

ПОСЛАНИЕ А. С. ПУШКИНА «КАЛМЫЧКЕ» КАК ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРОБЛЕМА

A. Pushkin's Address 'To a Kalmyk Maiden' as a Historical-Literary Problem

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Written Monuments, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences). E-mail: kigiran@mail.ru.

В статье выявляются принципиальные аспекты и определяются основные параметры послания «Калмычке» как целостной историко-литературной проблемы: связи этого стихотворения с художественными системами поэзии, прозы и литературно-эстетической критики, его включение в сферу устного рассказа и отражение в семейном эпистолярии А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, калмычка, послание, художественная система, лирический цикл, «путевые записки», «Путешествие в Арзрум...», литературная критика, контекст, устный рассказ, семейный эпистолярный.

Since its publication and especially after the release of “Journey to Erzurum...”, A. Pushkin's address “To a Kalmyk Maiden” has belonged to several most essential spheres of Pushkin's literary system, appearing in most complex correlation with both his poetry (being a part of set of poems “Travel poems (1829)”) and prose (integrated into travel notes and entering into a dialogue with the text of “Travel...”). The poem is included into the system of Pushkin's literary esthetic critics formed by the 1820s in context of the poetry of reality thanks to mentioning the passion of ladies to «Cinq-Mars» by Alfred Victor de Vigny and slight appreciation of Shakespeare. The poem “To a Kalmyk Maiden” has something in touch with the art of Pushkin's oral story telling as well as reminds an epistolary novel. Thus the address “To a Kalmyk Maiden” presents a complex historical-literary problem stating the aim of the article to depict its most important aspects.

Keywords: Pushkin, Kalmyk maiden, address, artistic system, set of poems, “travel notes”, “Journey to Erzurum...”, context, oral storytelling, domestic epistolary novel.

Стихотворение «Калмычке» записано в дорожной, Первой Арзрумской тетради (современный шифр – ПД 841), заполнявшейся в обоих направлениях: стихи — с конца, памятные записи — с ее начала. Черновик набросан в Георгиевске, согласно проставленной дате — 15 мая (1829 г.), на л. 128 об., беловик записан неделей позже — 22 мая, уже во Владикавказе, «на л. 127 об., на одном развороте с л. 128» [Левкович 1988: 122]. В помете перед беловиком «22 мая» 1822 Кап-Кой» (III, 728¹) «русское название Владикавказ заменено старинным Кап-Кой» [Левкович 1988: 121], вероятно, для обозначения «местного колорита». Поводом к созданию стихотворения стала, как широко известно, дорожная встреча по-

эта с семейством калмыков (незадолго до 15 мая²), параллельно описанная в эпизоде «путевых записок»³.

Если учесть, что после 22 мая и вплоть до 16 июля (дата записи стихотворения в «античном духе» «Критон, роскошный гражданин», связанного с посещением арзрумской бани [Фомичев 2001: 114–118]) не было записано ни одного заверщенного поэтического текста, то надо признать, что «Калмычке» оказывается произведением, созданным накануне той даты в жизни поэта, которую он ожидал с тревогой и даже суеверным страхом: «Ужель мне скоро тридцать лет»? (VI, 136). 26 мая, пройдя пешком от Пасанаури до Душета, усталый и голодный, Пушкин полночь нашел приют

у душетского городничего (VIII, 454–455) — так он встретил свое тридцатилетие. Возможно, в память об этой, внутренне важной для него, дате и в знак благодарности грузинской дворянской творческой интеллигенции, восторженно чествовавшей поэта летом 1829 г. в Тифлисе, он пообещал редактору газеты «Тифлиссие Ведомости» П. С. Санковскому прислать для публикации стихотворение «Калмычке», в начале 1833 г. написал ему письмо с объяснением задержки «стихов для альманаха» (XV, 39–40, пер. 316), еще не зная о том, что его тифлисского знакомого уже нет в живых [Летопись 1999: III, 110⁴; Абрамович 1994: 24]. Эта публикация не состоялась. Стихотворение «Калмычке» было впервые опубликовано в «Литературной газете» А. С. Пушкина и А. А. Дельвига в 1830 г. (№ 38 от 5 июля).

Наряду с другими пушкинскими произведениями стихотворение «Калмычке» было одним из первых, с которым Европа познакомилась во французском переводе. Князь Элим (Елим) Петрович Мещерский (1808–1844), атташе русского посольства во Франции (1833–1840), корреспондент Министерства народного просвещения, сотрудник русских журналов и альманахов, поэт (писал по-французски), переводчик, замечательный представитель русской литературы и культуры во Франции, 26 июля 1830 г. произнес в «Атенее Марсельском» речь «О литературе русской» (впоследствии изложена О. М. Сомовым в «Литературной газете» — № 7 от 14 февраля 1831 г.). В этой речи Пушкин назван «гением необыкновенным». Прямые связи и встречи обоих поэтов устанавливаются со второй половины 1836 г. и почти до последних дней жизни Пушкина. «Умерший молодым, князь Элим оставил несколько блестящих образцов пушкинской лирики во французских переводах; при этом (...) показал возможность пересоздать французскими средствами произведения разных стилистических регистров, — отмечал глубочайший знаток истории и культуры поэтического перевода [Эткинд 1999: 547], заключая: — Можно сказать, его переводы из Пушкина более всего похожи на переводы самого Пушкина из Парни или Вольтера» [Эткинд 1999: 550].

Переведенное Э. П. Мещерским стихотворение «Калмычке» было напечатано в Париже в 1838 г. Выразителен комментарий исследователя к приведенному им фрагменту этого перевода: «Элим Мещерский по-пушкински смел, даже бесшабашен, он

весел, ценит озорство, выше всего ставит общее настроение, излучаемое стихотворением» [Эткинд 1999: 550]. Нам же представляется, что здесь роль переводчика вызывает интерес и в аспекте психологии творчества — он как будто «подсмотрел» процесс создания оригинала: так, упомянутое в переводе имя французского поэта Ламартина словно перенесено в текст Э. Мещерского из черновых пластов пушкинского стихотворения [см.: Кичикова 2015: 113–114].

Связанные с поездкой на Кавказ и в Закавказье стихотворения 1829–1830 гг. Пушкин печатает по отдельности в «Литературной газете» и альманахе «Северные Цветы» (1830–1831). Исподволь складывается лирический цикл, в котором подыскивается место и стихам о калмычке: в сборнике 1832 г. «Стихотворения Александра Пушкина. Третья часть» — под № XVIII. Собранный же «в одно целое почти в полном составе», в редакции 1832 г. цикл выглядел так: «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке», «Делибаш», «На холмах Грузии», «Из Гафиза», «Дон», «Олегов щит», «Дорожные жалобы», «Калмычке» [Измайлов 1975: 221–222].

В конце 1836 г. Пушкин подготовил план издания своих поэтических произведений, основанного на новом принципе, — не хронологическом, но жанровом и жанрово-тематическом. Сгруппировав тексты в писарских копиях, на обложке каждого раздела он собственноручно написал его название. Из ряда лирических произведений, посвященных поездке на Кавказ и в Закавказье, отбираются «стихи, в которых реально-природные картины <...> претворены в образы душевно-поэтические, в реалии внутренней жизни» [Сурат, Бочаров 2002: 94]. Таким образом, этот раздел сборника «приобрел законченность», а его название, состав и «строгий порядок» [Измайлов 1975: 223] были утверждены последней авторской волей⁵:

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ ВО ВРЕМЯ
ПУТЕШЕСТВИЯ (1829)

Дорожные жалобы.
Калмычке.
«На холмах Грузии лежит ночная
мгла...».
Монастырь на Казбеке.
Обвал.
Кавказ.
Из Гафиза.
Делибаш.
Дон.

В окончательном составе эта группа стихотворений обладает уже новыми свойствами, становясь лирическим циклом⁶: «с зачином и финалом (отъезд — возвращение) и кавказским центром» [Фомичев 2012: 172]. В трехчастной девятичленной композиции цикла стихи о калмычке заняли место в середине первой триады. «Внешне совпадающий с ориенталистской тематикой пушкинский цикл уже в самом начале «пресекает» возможность следования традиционным романтическим мотивам (странничества и романтической любви), внося в него новое настроение» [Дарвин 2001: 98]. По сравнению с его местом в сборнике 1832 г. последняя локализация стихотворения «Калмычке», таким образом, не только определила его связи со всем циклом, но и обусловила взаимосвязи циклообразующего характера (см.: [Измайлов 1958, 1975; Благой 1967; Фомичев 2001а; Дарвин 2001; Сим Жиын 2003; Фомичев 2012] и др.).

Факторы циклообразования в «Стихах, написанных во время путешествия (1829)» сложны и многозначны, может быть, именно поэтому они стали рассматриваться сравнительно недавно. Отношения же лирики цикла с дневниковой, а затем и очерковой прозой, порожденной поездкой на Кавказ [см.: Тынянов 1968], нередко представлялись простыми и очевидными: «Оказывается, что стихотворения и проза, написанные под одними и теми же впечатлениями, по-разному передают их; впрочем, это не означает, что эти произведения не связаны друг с другом, наоборот, они, несомненно, перекликаются» [Сим Жиын 2003: 76]. Возможно, поэтому связи «кавказской» поэзии и прозы изучались значительно активнее, в том числе и современными зарубежными исследователями [Гринлиф 1999; Сим Жиын 2003: 76]. Однако «сопряжение прозаического текста со стихотворным» [Левкович 1988: 121] не сводится лишь к «перекличке» поэтической версии с документально изложенным эпизодом в «путевых записках» или в переработанной его редакции из «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года».

Так, в текст «путевых записок» после рассказа о посещении калмыцкой кибитки и встрече со «степной Цирцеей» вставлена фраза: «Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет» (VIII, 1029; вариант 18). Сравнив «палеографические данные» вставки, черновика и беловика, ис-

следователь заключает: «В запись от 15 мая необходимо включить стихотворение «Калмычке» — его место в дневнике сразу было определено самим Пушкиным» [Левкович 1988: 121, 133]. Место «послания» обозначено тройным тире после вводящей его в дневник фразы.

«Молодая калмычка, собой очень не дурная», вовсе не была польщена вниманием проезжего путешественника: «Поцалуй меня. — Неможна, стыдно. <...> моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке — Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее. Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет — —» (VIII, 1028–1029).

Включение поэтической версии в дневниковую запись эпизода преобразует оба текста, создавая между ними отношения не только взаимодополняющие, но и диалогические. «Трудно сомневаться, что среди возвращенных таким образом друг к другу строчек вскроются глубина и единство, еще, может быть, не замеченные» [Палиевский 1978: 39⁸]. Взаимодействие соседствующих текстов придает обоим новые смысловые оттенки: ироническое замечание путешественника о «калмыцкой любезности» тут же скорректировано стилистическим регистром обращения поэта:

Прощай, любезная калмычка!

(III, 159), —

которое по интонации и ритму вызывает в памяти знаменитую формулу другого, высокого прощального приветствия:

Прощай, свободная стихия!

(К морю. 1824. — II, 295), —

обозначившего для Пушкина и расставание с романтическим этапом своей жизни и творчества. Так формируется ассоциация: «дикая краса» — «свободная стихия».

В 1835 г., перерабатывая путевые записки 1829 г. в «Путешествие в Арзрум...», Пушкин отказался от включения в его текст послания «Калмычке». «Думается, это связано с «маскировкой» автора: автор-наблюдатель предпочитает в тексте «Путешествия» не раскрывать себя как поэта-профессионала», — полагает исследовательница из Южной Кореи [Сим Жиын 2003: 76]. Разумеется, о «маскировке поэта-профессионала» здесь и речи не идет: тридцатилетний Пушкин уже давно неотделим от своей славы первого поэта России, упоминая о себе в этом смысле совершенно

просто: «Здесь нашел я измаранный список *Кавказского пленника* и признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Всё это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно» (VIII, 451; 23 мая 1829 г., у коменданта крепости Ларс, на пути из Владикавказа по Дарьяльскому ущелью). А на возвратном пути от Арзрума, во Владикавказе, «первым приветствием в любезном отечестве» стала для него статья в каком-то русском журнале — «разбор одного из моих сочинений. В ней всячески бранили меня и мои стихи» (VIII, 483). «Путешествие в Арзрум...» — это произведение документальной прозы, написанное **поэтом**, здесь текст насыщен поэтическими цитатами из разных эпох и на разных языках. К случаю же авторской «маскировки» можно отнести лишь включенный в текст «Путешествия...» замечательный пример постижения Пушкиным иного культурного и духовного опыта, его «протеизма» и «всемирной отзывчивости» — стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...», представленное как «начало сатирической поэмы», приписанной вымышленному «янычару Амин-Оглу» (VIII, 478–479; см.: [Кошелев 2000]).

Как известно, стихи, посвященные безымянной юной калмычке («Как тебя зовут? — — — сколько тебе лет? — десять и восемь» (VIII, 1028)), все-таки упомянуты в «Путешествии в Арзрум...» (эпизод осмотра только что завоеванной крепости Карс), причем в весьма любопытном контексте. Перед отъездом из Карса 13 июня Пушкин послал сопровождавшего его в экскурсии по крепости молодого армянина Артемия за лошадьми. «Он явился вместе с офицером, который потребовал от меня письменного предписания. Судя по азиатским чертам его лица, не почел я за нужное рыться в моих бумагах, и вынул из кармана первый попавшийся мне листок. Офицер, важно его рассмотрев, тотчас велел привести его благородию лошадей по предписанию, и возвратил мне мою бумагу: это было послание к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (VIII, 465).

Рассказанная история построена по классическому принципу *qui pro quo* (одно вместо другого), с незапамятных времен составлявшему основу сюжета о подмене и самозванстве. Самозванство — тема, особенно значимая в отечественной истории, а для Пушкина — предмет неослабевающего внимания с середины 1820-х гг. «Само-

званцы в творчестве Пушкина начинают составлять отчетливо подобранный и отлично сгруппированный ансамбль» [Турбин 1968: 89]⁹. В этом «ансамбле» ведет свою скромную «партию» и случай в Карсе — маленький комический эпизод на любимую автором тему самозванства, где место персонажа занял «первый попавшийся листок». Лирическое послание выдано за всесильную в Российской империи (включившей в себя и завоеванный Карс) «бумагу», а листок со стихотворением самозванно исполняет роль предписания для смены почтовых лошадей¹⁰ — его эстетическое значение подменено функцией «государственного документа».

Микросюжет о стихах, выданных за дорожную, вероятно, относится к той области пушкинского творчества, о которой нам известно лишь немного, — к его мастерству устного рассказа, сжатой в пружину устной новеллы, или анекдота, который он очень ценил как жанр. Позволим себе предположить, что Пушкин рассказывал свою историю в кругу близких ему людей (сосланных декабристов, опальных офицеров, родственников сибирских каторжан), в военном лагере, кочевавшем от Карса к Арзруму, — именно в качестве дорожного анекдота о всесии «бумаги» и находчивости путешественника. Иначе трудно объяснить помету «Крс» (явно «Карс») под первой публикацией послания «Калмычке» в «Литературной газете» — вместо помет «Владикавказ» или «Кап-Кой» по месту его создания. Однако помета «Крс» / «Карс» и должна была вызвать в памяти пушкинского окружения в Закавказье именно этот дорожный анекдот. На наш взгляд, помета в «Литературной газете» восходит еще и к скупой записи в Арзрумской тетради.

Добравшись до театра военных действий, Пушкин почти не имел досуга для продолжения «путевых записок». Встречи, события и жестокость войны обрушились на поэта лавиной. Он оставляет в тетради скупые записи для памяти. В частности, эпизод осмотра Карса, не записанный в дневнике, но рассказанный в дружеском кругу, и был обозначен в строке тезисного плана для продолжения записок: «Дорога до Карса. Гумры. Арарат. Граница. Гергеры. Карс» (VIII, 1046). По одному лишь тезису «Карс» эпизод мог быть воспроизведен феноменальной памятью Пушкина — уже в тексте «Путешествия в Арзрум...»,

в ранней редакции предисловия к которому автор обмолвился, что «сии записки» он находит «занимательными только для немногих» (VIII, 1024). На это замечание обратила внимание, пожалуй, лишь Я. Л. Левкович: «Это признание свидетельствует, что читатели или лица, которых поэт собирался знакомить со своим дневником, предполагались изначально, но число их было ограничено. “Немногие”, т. е. малое число лиц, которые знакомы и с другими произведениями Пушкина “не для печати”» [Левкович 1988: 131]. К числу «немногих» в данном случае относится дружеское окружение Пушкина «во время похода 1829 года», а к «другим произведениям» его — тексты в устной форме передачи. Послание «Калмычке», в анекдотическом контексте микросюжета о самозванстве, оказывается, таким образом, связано и с малоизвестной сферой творческого поведения Пушкина — его мастерством устного рассказа. Произведения изустно передаваемого сюжета высоко ценились в пушкинском кругу, а сам поэт записывал анекдотические рассказы и собирал их в папку «Table-talk» («Застольные разговоры»; 1831–1836 гг.).

Послание «Калмычке», после публикации в 1830 г., и эпизод посещения калмыцкой кибитки, еще до публикации «Путешествия в Арзрум...» в 1836 г., безусловно, воспринимались как единый сюжет о вспыхнувшем увлечении степной «гордой красавицей» уже в совсем узком — семейном кругу Пушкина, вызывая шутивную ревность его жены. Об этом, очевидно, постоянном поводе для шуток в его семье свидетельствует, например, полное юмора (и ассоциаций со своими произведениями) уверение поэта в письме к Наталье Николаевне с дороги на Урал — по следам пугачевского восстания: «Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю — и на днях отказался от башкирки, не смотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица: На чужой сторонке и старушка божий дар. То-то, женка. Бери с меня пример» (19 сентября 1833 г. Из Оренбурга. — XV, 82)¹¹. Так «озорство» и «общее настроение, излучаемое стихотворением» [Эткинд 1999: 550] «Калмычке», приподнимают завесу над семейной жизнью Пушкина и отражаются в одном из самых сокровенных разделов его

автобиографической прозы — в семейном эпистолярии.

«Послание» дочери народа, к которому Пушкин питал давнюю, постоянную и столь явную симпатию [Кичикова 2009], по-своему уникально в его творческом наследии. С момента его публикации, и особенно после выхода в свет «Путешествия в Арзрум...», это послание пребывает одновременно в нескольких, причем основных, сферах пушкинского творчества, представляя в многообразных и сложных связях с художественными системами его поэзии (в составе цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)») и прозы (включая в текст «путевых записок» и вступая в диалогические отношения с текстом «Путешествия...»); благодаря упоминаниям о литературных увлечениях светских читательниц Сен-Маром (героем одноименного исторического романа А. де Виньи) и «слегка ценимом» ими Шекспире оно входит в систему пушкинской литературно-эстетической критики, сформировавшейся к концу 1820-х гг. в русле концепции «поэзии действительности»; выявляются его связи с пушкинским мастерством устного рассказа; наконец, это стихотворение бросает ответ и на семейный эпистолярный поэт. «Это стихотворение вписывается в контекст целого этапа творчества Пушкина, как всегда, сводящего воедино многие нити предшествующего периода и заключая в себе зерна будущих созданий. Мотивы стихотворения «Калмычке» возникнут в более широком ракурсе в прозе и поэзии Пушкина 30-х годов» [Никитина 1999: 209]. Таким образом, послание «Калмычке» представляет собою целую разветвленную историко-литературную проблему, выявлению принципиальных аспектов и определению основных параметров которой и была посвящена настоящая работа.

Пушкин явно дорожил своим посланием «Калмычке». Дорожил свободой его интонаций — намешливо-нежных, эпиграмматически острых, философски ироничных. Дорожил созданными в нем контрастами и противоречивой фактурой поэтического высказывания. «Только внутренне противоречивый текст воспринимался как адекватный действительности» [Лотман 1995: 410]. Как, несомненно, дорожил поэт воспоминанием о самой встрече с калмычкой, вызвавшей к жизни его «послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет».

Примечания

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949, — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам, кроме передачи черновых вариантов.

² По мнению исследователя, предположительное место этой встречи — «у станции Кагальницкая, у современной станицы Кагальницкая Зерноградского района Ростовской области» [Борисенко 1981: 59].

³ Как называл их автор и в 1829, и в 1835 гг. (VIII, 1027). Этому комплексу записей дневникового, конспективного и тезисного характера исследователь дает определение «кавказский дневник» [Левкович 1983: 15; Левкович 1988: 5].

⁴ Датировки упоминаемых событий и сведения о лицах сверены по справочным изданиям [Летопись 1999; Черейский 1988] и, кроме отдельных случаев, далее специально не оговариваются.

⁵ Сведения о плане издания 1836 г. достоверно приводим по: [Измайлов 1975: 264–269; Фомичев 2012: 171–172], поскольку в автографический фонд «Рукою Пушкина» («второе, существенно переработанное и дополненное с учетом новейших достижений пушкиноведения издание» — XVII, 4) данные записи не были включены, но был включен совсем другой, очень краткий пушкинский план издания, возможно, набросанный в том же 1836 г. (XVII, 203–204). Пушкинский замысел 1836 г. был осуществлен лишь в последние годы — в издании сборника, включающего и цикл «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» [Пушкин 2012; комментарий: Фомичев 2012].

⁶ Получившим в исследованиях системные определения: «Кавказский цикл» [Измайлов 1975: 219] и Кавказский «лирический дневник» [Григорьева 1981], — ср. единичные рабочие названия: «стихотворный дневник» [Благой 1967: 347], «цикл-путешествие» [Дарвин 2001: 94], «путевые стихи» [Фомичев 2012: 172] и др.

⁷ Работа Моники Гринлиф вызывает ряд вопросов из-за прискорбных неточностей или элементарного непонимания пушкинских текстов. Так, с излишними уточнениями она пишет о «далеком, нерусском, *по преимуществу мужском театре военных действий*», а «калмыцкая кибитка» в топографии американской исследовательницы почему-то оказывается «*на вершине*

горы» (курсив наш. — Б.К.) [Гринлиф 1999: 276, 277].

⁸ Этот замечательный замысел был изложен в свое время в статье «Пушкин как человеческая задача русской литературы»: «Хорошо бы, например, издать Пушкина так, чтобы полнее восстановилась его личность. Нисколько не посягая на другие издания, наоборот, расширяя их веером, отчего бы не добавить к ним еще одно: тип хронологический. Где было бы собрано не по жанрам, а по времени (по месяцам и, если нужно, по дням вместе) все, что Пушкин задумывал и, живя, писал. <...> Лучше будет виден рост человека, откуда, зачем и куда он шел, vystупят узлы, перекрестки мысли; яснее, вероятно, станут и спорные проблемы <...>» [Палиевский 1978: 38, 39]. Данный проект реализуется с 2000 г. в издании «Собрание сочинений Пушкина, размещенных в хронологическом порядке» (М., ИМЛИ РАН, «Наследие»).

⁹ Часть переполненной пушкинской коллекции самозванцев уходит в другие руки и в другие литературные ряды. Хрестоматийный пример: сюжет комедии «Ревизор», действительно подаренный Пушкиным, и сюжет поэмы «Мертвые души», как уверял Гоголь, тоже подаренный ему поэтом [Войтоловская 1871: 14–20; Смирнова-Чикина 1974: 6–8].

¹⁰ Этот эпизод дважды истолкован в статье М. Гринлиф характерным для автора образом: «<...> стихотворение «К калмычке», возможно, является данью идее Стерна о том, что страсть преодолевает культурные барьеры. Но самому адресату стихотворения никогда не суждено его прочесть. Пушкин подчеркивает некоммуникативный статус этого текста, а значит и принципиальную невозможность диалога, выдавая его за свой паспорт в Карсе»; «Наиболее впечатляющим выражением резкого противопоставления безмолвного Востока и красноречивого Запада в «Путешествии в Арзрум» является судьба собственных поэтических произведений Пушкина. Набросок стихотворения «К калмычке», в котором поэт пытается преодолеть культурную пропасть, разделяющую его и «степную Цирцею», оказывается настолько неразборчивым и неудобочитаемым для офицера на очередной заставе, что он использует его вместо письменного предписания, разрешающего свободный проезд» [Гринлиф 1999: 274, 290].

¹¹ Создатель научной биографии Пушкина делает очень важный обобщающий вывод: «Язык пушкинских писем к жене был явлением совершенно новым: он подразумевал реализм не только в творчестве, но и в лепке собственной жизни, стремление к простоте и правде как законам ежедневного жизнеустройства» [Лотман 1982: 203].

Источники

- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. II. (1, 2) Стихотворения. 1817–1825. М.: 1997. 1205 с.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. VI. Евгений Онегин. М.: 1994. 697 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. XV. Переписка. 1832–1834. М.: 1996. 391 с.
- Т. XVII. Рукою Пушкина. Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. Изд. 2-е, переработанное. М.: 1997. 738 с.
- Пушкин А. С.* Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома. Изд-во «Вита Нова», 2012. 224 с. (Новая Библиотека поэта. Малая серия).
- Литература**
- Абрамович С. Л.* Пушкин в 1833 году: Хроника. М.: Слово/Slovo, 1994. 618 с.
- Благой Д. Д.* Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967. 724 с.
- Борисенко И. В.* О месте встречи А. С. Пушкина с калмыками в 1829 г. // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста, 1981. С. 49–61.
- Войтоловская Э. Л.* Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л.: Просвещение, 1971. 270 с.
- Григорьева А. Д.* Кавказский «лирический дневник» // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в.: Пушкин. Некрасов. М.: Наука, 1981. С. 49–120.
- Гринлиф М.* «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей. СПб.: Академический проект, 1999. С. 275–297.
- Дарвин М. Н.* «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. С. 85–128.
- Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 7–48.
- Измайлов Н. В.* Лирические циклы в поэзии Пушкина конца 20-х – 30-х годов // Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л.: Наука, 1975. С. 213–269.
- Кичикова Б. А.* Калмыки в мире Пушкина // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 42–50.
- Кичикова Б. А.* «Ты не лепечешь по-французски...» (Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.
- Кошелев В. А.* «Арзрум нагорный...» // Кошелев В. А. Пушкин: история и предание. Очерки. СПб.: Академический проект, 2000. С. 269–296.
- Левкович Я. Л.* Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.
- Левкович Я. Л.* Кавказский дневник Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XI. Л.: Наука. 1983. С. 5–26.
- Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. В 4-х т. Т III: 1829–1832 / сост. Н. А. Тархова. М.: Слово / Slovo, 1999. 623 с.
- Лотман Ю. М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся. Л.: Просвещение, 1982. 255 с.
- Лотман Ю. М.* Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство СПб, 1995. С. 91–462.
- Никитина Е. П.* Стихотворение Пушкина «Калмычке» // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 205–215.
- Палиевский П. В.* Пушкин как человеческая задача русской литературы // Палиевский П. В. Литература и теория. Изд. 2-е, доп. М.: Современник, 1978. С. 34–40.
- Сим Жийн.* Образ пути и его значение в творчестве Пушкина: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»; «Стихи, сочиненные во время путешествия» // Русская литература, 2003. № 2. С. 66–80.
- Смирнова-Чикина Е. С.* Поэма Н. В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1974. 319 с.
- Сураг И. З., Бочаров С. Г.* Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М.: Языки славянской культуры, 2002. 220 с.
- Турбин В. Н.* Характеры самозванцев в творчестве А. С. Пушкина // Научные доклады высшей школы. (Серия «Филологические науки»). 1968. № 6. С. 85–95.
- Тынянов Ю. Н.* О «Путешествии в Арзрум» // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1968. С. 192–208.

- Фомичев С. А.* К истолкованию пушкинского наброска «Критон, роскошный гражданин...» // Русская литература, 2001. № 4. С. 114–118.
- Фомичев С. А.* Лирические циклы // Фомичев С. А. Служенье муз. О лирике Пушкина. Сборник статей. СПб.: Академический проект, 2001 а. С. 75–105.
- Фомичев С. А.* Лирические циклы Пушкина; Комментарий: «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Пушкин А. С. Лирические циклы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Изд-во «Вита Нова», 2012. С. 5–16; 171–180 (Новая Библиотека поэта. Малая серия).
- Черейский Л. А.* Пушкин и его окружение. Изд. 2, доп. и перераб. Л.: Наука, 1988. 544 с.
- Эткинд Е. Г.* Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.